«Рэвалюцыя ў хаце»: малоизвестный случай «шумного духа» на хуторе Вербники Минского района в 1930-х годах

Илья Бутов

старший научный сотрудник Республиканской лаборатории историко-культурного наследия ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси», illiabutov@gmail.com

Аннотация: В статье представлены сведения о вспышке сверхъестественного на хуторе Вербники Минского р-на Минской обл., детали которой автор собирал на протяжении 2017—2022 годов. Дана возможная датировка события, показаны его главные действующие лица, особенности протекания и избавления от нападок демонологического персонажа с ярко выраженной полтергейстной функцией. Рассмотрен социокультурный фон конца 1930-х годов, который мог привести к возрастанию религиозно-мистических настроений в обществе.

Ключевые слова: фольклор о сверхъестественном, шумный дух, полтергейст, нечистая сила, народная демонология

Введение

В нескольких своих прошлых материалах автор уже касался записей, связанных с «шумными» или «беспокойными» духами,

сведения о которых относят к межвоенному периоду; эти истории имели место на территории Западной Беларуси и эстонско-российском пограничье (Бутов 2021, 33-36; Бутов, Томин 2020, 62-76; Бутов, Гайдучик, Алексинский 2017, 55–57). Особенностью рассматриваемых сюжетов является то, что описанные в рассказах персонажи¹ красочно вторгаются в нашу повседневную действительность, не гнушаясь использовать для своих козней все, что попадается им на пути. Примерно со второй половины 1980-х годов в газетах и книгах, издававшихся на территории СССР, для этого явления даже стал появляться новый термин — полтергейст (нем. poltern — «грохотать», «стучать» и нем. Geist – «дух») 2 . Одними из первых на постсоветском пространстве применительно к фольклорным текстам его употребили в 1993 году в предисловии к сборнику русских быличек XIX-XX веков пермские исследователи К. Э. Шумов и Е. С. Преженцева (ПР 1993). Авторы отмечают, что актуализация рассказов о полтергейсте в 1980-е годы не означает, что их не было раньше, а поясняют это тем, что в периоды социальных и политических потрясений вспыхивает интерес к мистическому. Они разделяют термины домового и полтергейста, отмечая при этом, что «сравнение двух тематических групп рассказов (о домовых и полтергейсте) показывает, что они очень близки по сюжетам. И в тех, и в других персонаж (если, конечно, так можно сказать о полтергейсте) мешает человеку, выживает его из дома <...>. Нередки и там, и там рассказы о предметах, которые летают по дому, пущенные невидимой рукой» (ПР 1993, 10). В итоге К. Э. Шумов и Е. С. Преженцева приходят к выводу о генетическом сходстве этих двух определений и употребляют их в разных значениях (ПР 1993, 10-11).

Хотя, по большому счету, полтергейст — собирательный образ, сейчас данное понятие стало проникать в различные работы фольклористов в несколько ином значении. Так, авторитетный исследователь Е. Е. Левкиевская выделяет особую «полтергейстную» функцию какого-либо персонажа, когда он совершает действие, «чтобы испугать, потревожить человека, проявляя этим свою демоническую природу» (Левкиевская 2000, 119). Кроме полтергейстных функций, например, говорят о,

полтергейстных явлениях или полтергейстом поведении того или иного персонажа. Например, с 2012 года их используют Л. Н. Виноградова и Е. Е. Левкиевская в серии сборников «Народная демонология Полесья» применительно к домовику (НДП 2020, 23, 29–30, 88), ходячему покойнику (НДП 2012, 277), персонифицированным Страхам (НДП 2016, 412) и т. д. Упоминания о полтергейстной функции встречаются и в других работах (см. напр., Кротова-Гарина, Русинова, 2018). Таким образом, полтергейстная функция (а также явления, поведение, черты, ситуация и т. п.) может быть присуща практически любому фольклорному персонажу, который в этом случае различными авторами относится к «беспокойным» или «шумным духам».

Однако, как показывал автор ранее, в последние годы как минимум в макрорегионе, к которому можно отнести Беларусь, Прибалтику и Северо-Запад России, все чаще в рассказах об известных ранее персонажах (чаще других обладающих полтергейстными чертами) начинает фигурировать один новый, которого информанты называют непосредственно полтергейстом (Бутов 2021, 34). В своем указателе К. Э. Шумов, Е. С. Преженцева относят полтергейст к духам построек. По их мнению, полтергейст (наряду с домовым, банником и кикиморой) отвечает за то, что «6.1. Беспокоит, пугает людей стуком, шагами, разливает воду, устраивает пожары, бьет посуду, двигает мебель, кидается различными предметами, в доме слышится пляска, голоса» (ПР 1993, 218). По указателю Шумова и Преженцевой, дух построек также может вредить человеку: «6.1. Пугает, давит, губит человека», «6.2. Выживает из дома, прогоняет из бани, овина» и др. (ПР 1993, 217-220). Согласно Н. В. Петрову, для юга Архангельской области РФ характерны различные вариации мотива «VI.Б.4.7. Необъяснимые явления в доме»³, например: «VI.Б.4.7.1. В доме свистит/стучит/пугает», «VI.Б.4.7.2. Дом ходуном ходит», «VI.Б.4.7.3. Под полом дома в 12 часов ночи гуляют черти», «VI.Б.4.7.5. Нечистая сила бросает посуду / в доме прыгает посуда», «VI.Б.4.7.8. В доме чудится и мерещится / как будто поленья кидают» и др. (Петров 2020, 427). Похожие мотивы встречаются в описании поведения домового в представлениях населения псковско-белорусского пограничья (так, домовой может выживать жильцов из дома, может шалить и пугать) (Мифологические 2021, 240–260). Б. Кербелите выделяет для территории Литвы два сходных типа сказаний: «Черт показывается человеку / вселяется в человека / нарушает порядок в доме / бросает предметы. Человек крестится / ксендз святит дом — черт убегает»; «В доме показываются привидения: кто-то бросает предметы / картошку. Ксендз святит дом / люди окуривают дом священными травами / поют песнопения, посвященные четкам, / заказывают мессу — привидения исчезают» (Кербелите 2001, 184, 187).

Стоит однако признать, что многие тексты, где такая функция персонажа (стучать, с шумом перемещать предметы и т. п.) является доминирующей над всеми остальными, все еще недостаточно проанализированы и даже не введены в научный оборот. Кроме того, подобные рассказы наполнены и иными мифологическими мотивами, которые на территории Беларуси еще только предстоит выделить и систематизировать, проследив их сходства и отличия в разрезе этнографических регионов.

Один из опытов изучения таких вспышек сверхъестественной активности с позиций современной фольклористики предложила Т. В. Володина, которая тщательно описала рассказы о появлении в д. Беляки Лепельского района Витебской области так называемого «беляковского черта» (Валодзіна 2011, 140–145; Валодзіна 2012, 27–34). Если вкратце пересказать опубликованные материалы, то их основной вывод состоит в том, что резонансные события с участием некоторых демонологических персонажей «выходят» из того населенного пункта, где они возникли, и по мере удаления от него сами начинают обрастать разными мифологическими подробностями. Даже если экспедиции получилось зафиксировать лишь отдаленный краешек таких рассказов, то последовательно двигаясь по этим «хлебным крошкам» и зная определенные законы распространения и трансформации мифологических мотивов, можно добраться до того места, где слух зародился. Одновременно перед нами предстанет многоликий образ местечкового нарушителя спокойствия какой-то конкретной деревни. При этом нужно действовать последовательно и опрашивать информантов по определенной сетке, уточняя ряд необходимых подробностей (как далеко он живет/жил от предполагаемого места событий, был ли он их современником, насколько близок он по родственным или иным социальным связям к непосредственным очевидцам, через сколько человек к нему дошла эта информация и т. д.).

Сложность использования этой методологии состоит в том, что произвести тщательный опрос десятков человек вокруг определенного населенного пункта за одну экспедицию часто не представляется возможным. Так, в рамках нашего инициативного проекта «Уфоком» мы с 2001 года собираем и анализируем различные рассказы о сверхъестественном. Однако за все время работы проекта, мы, пожалуй, единственный раз смогли приблизиться к предложенному Т. В. Володиной подходу с историей о «серуне Куклевском» (Вороновский р-н Гродненской обл.), но тогда потребовалось не менее четырех выездов на место (Бутов, Гайдучик, Алексинский 2017, 55–57). Еще одну попытку такого рода мы сделали при сборе сведений о резонансном сразу для двух районов Беларуси (Минского и Дзержинского) событии, связанного с появлением на хуторе Вербники Минского р-на $uy\partial a^4$, о причине которого среди местных жителей до сих пор продолжаются споры. Всего в трех экспедициях нами было найдено 7 человек (от 1936 до 1989 г. р.), которые слышали об этом и смогли вспомнить некоторые подробности произошедшего. Кроме д. Вербники, опросы велись нами в д. Курганье, Боровики и Пятевщина, однако в последних двух даже старожилы об этом ничего не слышали. Как и в истории с «беляковским чертом», действие всех рассказов, принявших характер былички, происходит в исчезнувшем уже малом населенном пункте.

«Шумный дух» на хуторе Вербники

Основная фабула этой истории такова: в конце 1930-х годов на вышеупомянутом хуторе у проживающей там семьи из двух человек, завелось «нечто», обладающее ярко выраженными полтергейстными чертами. Оно произвело в доме полный бардак и

вынудило людей переехать с хутора в деревню. Лишь на новом месте все успокоилось и больше никак себя не проявляло.

Хутор Вербники и поселок Вербники на картах РККА (250 м) 1930-х годов.

Хутор Вербники располагался ранее неподалеку от поселка Вербники и исчез с карт уже в 1940-х годах. По воспоминаниям некоторых информантов, рядом с хутором находился *Паулютьский лес*, который принадлежал этой семье:

У них фамилия была — Паулють. Этот лес вырезали. Он был небольшой, но это было их, типа личная собственность. Потом их раскулачили, сослали. Потом они вернулись назад 5 .

Однако на картах этот микротопоним не обозначен, а кроме того, практически все остальные информанты называют другую фамилию проживавших на хуторе — «семья Новицких».

Имя хозяина хутора — Казимир, но какие-либо подробности о нем установить не удалось, кроме того, что он был «абычны чалавек»⁶. Однако о его жене уже рассказывают чуть более охотно. По словам Т. П. Коробки из д. Курганье Дзержинского р-на, эту женщину звали Алеся: «Яна самая меньшая сястра была, яна наша, з Кургання»⁷. Интересная особенность, старшая

сестра Алеси Новицкой умела лечить и заговаривать некоторые болезни: «Яна і лячыла ад іспугу, я часта да яе дзяцей вадзіла»⁸.

Однако самой хозяйке «нехорошего» хутора, насколько нам удалось выяснить, такая способность к целительству не приписывалась. При этом необходимо подчеркнуть, что одной из первопричин возникновения «беляковского черта» в Лепельском р-не Витебской обл. называлось умение жены хозяина дома колдовать (Валодзіна 2011, 142). В других схожих историях также несколько раз фигурировала «нелюбимая сестра», которая чемто прогневала духа или домового, и тот в отместку направлял на нее свою агрессию (Бутов, 2021, 35; Бутов, Гайдучик, Алексинский 2017, 55–56). К сожалению, недостаток собранных нами сведений о личностях владельцев злополучного дома мешает на данном этапе рассмотреть эти предположения более детально.

Датировка рассматриваемых событий не только позволит понять, на каком социокультурном фоне развивались эти события, но и установить, оправданы ли бытующие ныне представления о связи этого происшествия с возможным знаком – предвестием войны. Как утверждает А. Г. Рудак, внук Софьи Леопольдовны Новицкой, дочери Марии Филипповны Новицкой (Киян), которая проживала в Вербниках и была непосредственной свидетельницей этих событий, его прабабушка называла временем инцидента сентябрь 1939 года, то есть или накануне, или сразу после начала Второй мировой войны. Эти данные достаточно хорошо вписываются в семейную хронологию, так как в то же время прадед А. Г. Рудака был в армии и его как раз мобилизовали для Польского похода Красной армии в Западную Беларусь, начавшегося 17 сентября. Между временем знакомства прабабушки А.Г. Рудака с прадедушкой и временем ухода последнего в армию получается именно осень 1939 года. Однако поколение, ставшее непосредственным свидетелем этих событий, скорее всего, не видело в них какой-либо прогностической функции (т. е. предзнаменования Второй мировой войны), такими чертами задним числом наделили эти события уже наши современники. Кроме того, согласно семейной легенде, один из сыновей прапрадеда А. Г. Рудака, расстрелянного в 1937

Новицкая (Киян) Мария Филипповна. Фото из семейного альбома А. Г. Рудака, 1939 год.

году, якобы сам был сотрудником спецслужб и даже привозил подчиненных для оцепления хутора 10 .

Справедливости ради нужно отметить, что есть и другие варианты датировки рассматриваемого феномена, зафиксированные нами как непосредственно в д. Вербники, так и в одной из ближайшей к ней д. Курганье. Как рассказал нам В. Ковшевич, «эта было двадцать пятый, двадцать седьмой, двадцать восьмой год»¹¹. Мужчина также считает, что как раз тогда образовывались колхозы и всех переселяли с хуторов в деревни. А вот Т. П. Коробка назвала нам совсем другой временной период — «пасля вайны» или даже в начале 1950-х годов: «Я с трыццаць

шостага. Мы ўжо хадзілі пасля вайны. Мне ж было тады пяць год, як вайна началася. Пасля вайны, да. [Ну сколько вам лет примерно было? Лет десять?] Не, болей! Ужо, можа, пятнаццаць было» 12. Однако стоит учитывать, что Т. П. Коробка ходила туда уже после того, как дом перенесли с хутора в деревню (подробнее об этом ниже), а значит, названная ей дата может быть никак не связана с годом, в котором, согласно рассказам, происходили сами сверхъестественные события.

Относительно причин, по которым именно в этом доме появилось «нечто», вариантов не слишком много. Согласно одной версии, высказанной уже покойной жительницей д. Вербники¹³, началось все с того, что когда семья перебирала после уборки свеклу¹⁴, какой-то их родственник, живший не очень далеко, попросился переждать дождь в доме. Ему отказали: «Недалеко идти, дойдешь». На что этот человек сказал: «Вы мне это вспомните!». После этого в доме и начались все события¹⁵. Этот же довольно устойчивый мотив, предшествующий «заселению» в дом нечистой силы, встречается и в других местах Беларуси, например, в д. Заболоть Ивьевского р-на Гродненской обл. (Бутов, Гайдучик, Алексинский 2017, 56). Только в заболотьском инциденте нам, в частности, указывали, что «баба адна», которая «там умела загаварываць», в качестве «субподрядчиков» для переворачивания дома вверх дном использовала *недобру душу*: «Эта, казалі, недобра душа, катора памёршы. Ці яна там заварожана была, ужо той чалавек, ці што»¹⁶. Применительно к случаю на хуторе Вербники встречается и более общий эквивалент этого нарратива: «хто-та» этой семье «зрабіў на гэту хату» 17 или «у іхней хаце што-та было *зроблена*»¹⁸, т. е. воспользовался некими колдовскими практиками, чтобы наложить на них проклятье и превратить жизнь людей в кошмар (Бутов 2021, 35). В такого рода рассказах

д. Вербники Минского р-на в наши дни. Фото Е. Шапошникова, 2017 год.

фигура недоброжелателя полностью обезличена, хотя за ним, по всей вероятности, скрывается колдун.

Практически все информанты единодушны: у наблюдателей создавалось впечатление, что по дому сами по себе перемещаются предметы обихода: «Па хаце там лёталі... Ну я, так знаеце, маладая была ў то ўрэмя надта не ўслухоўвалася...»¹⁹, «І вот гаварылі пра эту *чуд*у, что ў іх там ляцела з печы ўсё»²⁰, «Ну, што-та там ў іх падала»²¹. Опрошенные нами местные жители д. Вербники и Курганье, в общем и целом, примерно одинаково описывают проделки неведомой силы на хуторе. Одна из особенностей — начало событий ровно в полночь, т. е. пограничное время или мифологически и ритуально маркированный рубеж в суточном цикле (Левкиевская 2009, 142—145). Ответственными за все безобразия при этом названы *черти* или *нечистая сила*: «Там, гаворыць, лятало. Яны как толька дванаццаць часоў кладуцца спаць. Гэтыя чугуны с печы, дровы — ўсё вылеціць на кухню.

А гэта во чэрці гэтыя ляталі там: усё вылятывала. З печы... Дзе што не паставіш, прыходзіш – усё, усё разбурана [...] [То есть как это называли, черти или как? Чэрці, нечыста сіла! Нечыста сіла – гэта ж чэрці. Но яны іх не чапалі, но гэта ўсё спаць не будзеш. Как дванаццаць часоў, кажа, і начанаецца. Усё адусюль ляціць. Дроў накладзе ў печ, чагуны паставіць - картошку ж ужо вараць раніцай, стаіць каб гатово... Усё на кухні. [Разбросано?] Усё: і гаршкі, і дровы, усё выкідаецца з печы»²²; «Што-то вот кідалася, што-то вот. У хаце там, дзе-та яны там жылі. Вот там якая бумага дзе ілі што-та стаяла што-та, кідал... Якая там гаварылі нячыстая сіла»²³. Примерно о том же рассказал нам и А. Г. Рудак: «Из того, что знаю со слов бабушки, чья мама была свидетельницей, начиналось все ровно в полночь. Был грохот, со ставен слетали и распахивались засовы, в ведрах «танцевала» вода, мелкие предметы перемещались по дому, яблоки с чердака оказывались в доме. Днем на огороде картошка вылетала из земли и летела людям в спины»²⁴. Вместо картошки также называли и свеклу: «Бураки взлетали и в лоб били»²⁵. Схожие мотивы действий привидений, поселившихся в доме, выделяет исследовательница Б. Кербелите в своем структурно-семантическом классификаторе этиологических, мифологических сказаний и преданий, характерных для Литвы (Кербелите 2001, 184). Типологически близкие сюжеты бытовали в это же время и на эстонско-российском пограничье, о чем мы уже писали ранее (Бутов 2021, 33-36).

Другие информанты в числе предметов, которые летали по дому, называют *ігрушы*²⁶ и приводят возможную причину такой метания вещей: «Еслі грубо отозвался: палучыш ігрушай у плечы ілі ў лоб. Ну еслі харашо аставіў паесці на стале, будзе ціха ў хаце»²⁷. Кроме этого, рассказывали, что по дому летал кажух²⁸ («кажух там нешта лятаў навыварат»²⁹) или миска («хтота гаворыць, там стаіць, напрымер, якая міска ілі там кружка і вот раз — яна і паляцела»), падала кружка («еще бабушка говорила: на столе кружка стоит, взяла, упала и все»³⁰) и т. д. Однако летающие вещи больше устрашали, чем причиняли людям какой-то реальный вред: «Я ўродзе бы і спрашывала што: «А ў чалавека пападала»? Уродзе бы не, гаворыць. Как што-та

ляціць, да стукала. Гаворыць, не, уродзе бы, так» 31 , «[А людей они били?] Нет, людей, не знаю, нікого не убівало» 32 .

Почти никто из опрошенных нами информантов не вспомнил об участии в этих событиях представителей Церкви. Лишь А.Г. Рудак сообщил, что его бабушка упоминала о том, что вызывали поочередно священников обеих конфессий (сами хозяева были католиками), но никто из них не помог³³. Если часть жителей считает, что неприятности вынудили семью переселиться в Вербники, то другая уверенно говорит о том, что они полностью перенесли хутор на новое место. И только это помогло избавиться от донимавшей их нечистой силы: «І яны тады перабудаваліся у Вербнікі. [...] [А когда перенесли дом на новое место – все прекратилось?] Нічаго там не рабілася. У Вербніках там усё нармальна було. [А кто им подсказал перенести?] Яны самі, наверна... Як жа будзеш жыць? Жыць жа ня будзеш – каждый дзень вот такая рэвалюцыя ў хаце»³⁴. По словам жителей деревни Вербники, сейчас на месте бывшего хутора – голое поле.

Наконец, стоит отметить, что некоторые из информантов, как правило, более молодые, высказывают мысль о том, что в этой истории также замешано золото: «была ещё легенда, якобы семья владела каким-то золотом, и оно то ли пропало, то ли было спрятано»³⁵, «мы все шутили: найти бы тот хутор, да горшок с золотом под ним»³⁶. В целом, спрятанные деньги или сокровища фигурируют в преданиях о многих объектах сакральной географии (камни, горы, деревья т. д.) и, учитывая, что современники появления «вербниковского черта» об этом не рассказывают, вполне может быть маркером вторичной мифологизации³⁷ рассматриваемого нами сюжета.

Заключение

Таким образом, мы смогли собрать сведения о событии, которое местное население нескольких деревень Минского и Дзержинского районов до сих пор считает *чудом*: появлении в одном из домов практически рядом с Минском демонологического пер-

сонажа, названного нечыста сіла или чорт (чэрці) с присущем ему полтергейстным поведением. Локус действия персонажа – дом, в частности печь, с которой летели многочисленные вещи, а из нее самой – горшки с едой. Также ответственными за этот *«непарадак»* на хуторе были назначены обиженный родственник этой семьи или некий неназванный человек (колдун?), который «зрабіў на гэту хату». Однако кроме классических признаков нечистой силы (появление в двенадцать часов ночи, различные мелкие пакости в доме), «вербниковский черт» имел довольно мягкий характер и практически не причинял вреда людям, реагируя лишь на бранные слова в свой адрес. Он даже обладал некоторыми признаками домового, не только активно используя излюбленную этим духом-покровителем печь, но и затихая в том случае, если кто-то оставил ему еду на столе. Те, кто услышал о нем от родственников и не считают его вымыслом рассказчика, указывают на то, что первопричиной всего могло стать некое золото, а само явление в целом уже post factum связывают с предзнаменованием Второй мировой войны. При этом заметно, что сейчас событие начинает сильно мифологизироваться даже в ближайших к месту происшествия населенных пунктах, но лишь в глазах более молодого поколения. Избавиться же от неприятных событий помог только перенос дома в новый локус, что косвенно может свидетельствовать о привязке существа к определенному месту, а не к человеку. Наоборот, в рассматриваемой нами ранее истории о «серуне Куклевском», дух был привязан к конкретному человеку и свою агрессию вымещал именно на нем (однако, нужно признать, мы все же не знаем, последовал бы он за этим человеком в случае переезда) (Бутов, Гайдучик, Алексинский 2017, 55-57). В целом же такой способ избавления от демонологического персонажа с перемещением дома, затем полностью восстановленного на новом месте, можно считать достаточно редким мотивом.

В целом социокультурный фон конца 1930-х годов был достаточно благоприятен для муссирования рассказов о различных мистических историях. С. М. Токть отмечает, что разгром белорусского национального движения и репрессии против его лидеров, не оправдавшиеся надежды на победу и быстрые изме-

нения к лучшему вызвали стремительный рост религиозно-мистических настроений среди белорусского крестьянства (Токць 2007, 238). К тому же тяжелейший экономический кризис, неурожаи, голод и эпидемии, секуляризация общественной жизни и государственная атеистическая политика привели к резкому увеличение коллективных страхов и психозов (Панченко 2012, 276). В это время по территории БССР также массово началось хождение «святых писем», где часто описывалось какое-то чудо, порой значительно искажавшееся в ходе копирования изначального текста. Все это подогревалось слухами «о скорой войне и введении хлебных карточек» (Бутов 2018, 18). Таким образом, население белорусской деревни в 1920-1930-е годов оказалось в крайне сложном положении. На то, что в именно такие периоды, связанные с падением ВВП страны, возрастает также количество чудес, мы уже обращали ранее наше внимание (Бутов, Томин 2020, 20–34).

Следует отметить, что история с чертом на хуторе Вербники до сих пор все же исследована в меньшей степени, чем та, что произошла в д. Беляки, и пока не позволяет до конца проследить вариативность и весь спектр новых мотивов на более широком радиусе от точки возникновения слуха. Но тут мы также можем столкнуться с нетривиальной ситуацией, вполне вероятно накладывающей свой отпечаток на саму фабульную основу рассказов, – а именно близостью этого куста населенных пунктов к столице и в целом большим скептицизмом современного городского населения. Если в «глубинке» к таким историям зачастую относятся с высокой степенью доверия и как минимум пытаются как-то осмыслить, то нам нередко приходилось сталкиваться с утверждением, что все это «байки» или «сказки». Возможно, что наличие рядом крупного города, да и в целом более высокий темп жизни около него, гораздо быстрее создают своего рода невидимые границы, за которые изначальный слух почти не способен проникнуть, а если и проникает, то в п очти полностью рационализированном виде. По выражению Т. В. Володиной, эта та самая периферия этнокультурного явления, которая в нашем случае возникает уже в ближайших к Вербникам деревнях, мешая изучить центральное ядро сюжета и в дальнейшем определить степень его трансформации. В этой связи такая необыкновенная история, особенно через одно-два поколения, может иметь гораздо меньшее число «носителей», или тех, кто мог бы о ней рассказать, а оставшиеся будут локализованы лишь в непосредственной близости от Вербников. Так это или нет, покажут новые опросы, ведь этот случай в силу его широкой известности в нескольких достаточно доступных для исследователей деревнях вполне можно использовать в качестве модельного.

Примечания

- ¹ Их называют, в зависимости от региона, чертом (Валодзіна 2011, 140–145; Валодзіна 2012, 27–34), домовым (МР 2021; Правдивые рассказы 1993), кикиморой (Правдивые рассказы 1993), нечистой силой (Бутов, Гайдучик, Алексинский 2017), колдуном «ходячим» покойником (Бутов 2021; НДП 2012, 277) и т.д.
- ² Здесь под полтергейстом автор понимает его феноменологическое определение, как «физические и психофизические процессы и явления, происходящие с кажущимся нарушением причинно-следственных связей в бытовой сфере жизни человека» (Бутов, Гайдучик, Алексинский 2017, 57).
- ³ Куда и подпадают все записи о персонажах с полтергейстной функцией и записи о полтергейсте как таковом.
- ⁴ Несмотря на то, что рассказы о встречах с нечистой силой относят обычно к быличкам, в отличие от чудес, связанных с участием Бога, святых или произошедших с иконами, и чаще всего причисляемых к легендам-быличкам или легендарным рассказам, мы здесь ссылаемся на мнение самих информантов, называвших все события на хуторе Вербники чудом (Шеваренкова 2003, 52–57; Бутов 2021, 150).
- ⁵ Шпаковский Вадим Владимирович, 1962 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов, Е. Шапошников в 2017 году. Здесь и далее использована фонетическая расшифровка текста информантов, выполненная автором.
- ⁶ Жмачинская Лёдя Александровна, 1940 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- ⁷ Коробка Таисия Петровна, 1936 г. р., д. Курганье Дзержинского р-на, родом из д. Боровики Дзержинского р-на, зап. И. Бутов в 2022 году.

- ⁸ Коробка Таисия Петровна, 1936 г. р., д. Курганье Дзержинского р-на, родом из д. Боровики Дзержинского р-на, зап. И. Бутов в 2022 году.
- 9 Это схоже с тем, как домовик выживает из дома конкретного человека, которого не любит (НДП 2020, 88).
- 10 Рудак Антон Григорьевич, 1989 г.р., Минск, зап. И. Бутов в 2022 году.
- Ковшевич Виктор, 1955 г.р., д. Вербники Держинского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- ¹¹ Коробка Таисия Петровна, 1936 г. р., д. Курганье Дзержинского р-на, родом из д. Боровики Дзержинского р-на, зап. И. Бутов в 2022 году.
- 12 Звали жещину Эмилия Сигизмундовна, ок. 70 лет, умерла примерно в 2000 году. Боле точных сведений установить не удалось.
- ¹³ Звали жещину Эмилия Сигизмундовна, ок. 70 лет, умерла примерно в 2000 году. Боле точных сведений установить не удалось.
- ¹⁴ Это косвенно также может указывать на осень как время начала событий. Уборка свеклы в Беларуси обычно проходит осенью.
- 15 Шпаковский Вадим Владимирович, 1962 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов, Е. Шапошников в 2017 году.
- 16 Станкевич Тереза Станиславовна, 1938 г. р., д. Тельковщина Ивьевского р-на Гродненской обл., зап. И. Бутов, А. Волчок, А. Бредихин в 2020 году.
- ¹⁷ Коробка Таисия Петровна, 1936 г. р., д. Курганье Дзержинского р-на, родом из д. Боровики Дзержинского р-на, зап. И. Бутов в 2022 году.
- ¹⁸ Жмачинская Лёдя Александровна, 1940 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- ¹⁹ Жмачинская Лёдя Александровна, 1940 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2017 году.
- ²⁰ Коробка Таисия Петровна, 1936 г. р., д. Курганье Дзержинского р-на, родом из д. Боровики Дзержинского р-на, зап. И. Бутов в 2022 году.
- ²¹ Лукашонок Мария Федосьевна, 1938 г. р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- ²² Коробка Таисия Петровна, 1936 г. р., д. Курганье Дзержинского р-на, родом из д. Боровики Дзержинского р-на, зап. И. Бутов в 2022 году.
- ²³ Жмачинская Лёдя Александровна, 1940 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- 24 Рудак Антон Григорьевич, 1989 г.р., Минск, зап. И. Бутов в 2022 году.

- ²⁵ Шпаковский Вадим Владимирович, 1962 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов, Е. Шапошников в 2017 году.
- ²⁶ Ігрушы груши. Здесь сушеные груши, яблоки и другие сухофрукты.
- ²⁷ Ковшевич Виктор, 1955 г.р., д. Вербники Держинского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- $^{28}\,{
 m Kaжyx}-{
 m my}$ ба, тулуп.
- 29 Ковшевич Виктор, 1955 г.р., д. Вербники Держинского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- ³⁰ Не представился, д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов, Е. Шапошников в 2017 году.
- ³¹ Жмачинская Лёдя Александровна, 1940 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- ³² Лукашонок Мария Федосьевна, 1938 г. р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов в 2022 году.
- $^{\rm 33}$ Рудак Антон Григорьевич, 1989 г.р., Минск, зап. И. Бутов в 2022 году.
- ³⁴ Коробка Таисия Петровна, 1936 г. р., д. Курганье Дзержинского р-на, родом из д. Боровики Дзержинского р-на, зап. И. Бутов в 2022 году.
- 35 Рудак Антон Григорьевич, 1989 г.р., г. Минск, зап. И. Бутов в 2022 году.
- ³⁶ Шпаковский Вадим Владимирович, 1962 г.р., д. Вербники Минского р-на Минской обл., зап. И. Бутов, Е. Шапошников в 2017 году.
- ³⁷ Здесь под вторичной мифологизаций мы понимаем такую ситуацию, при которой текст рассказа, считающийся доктринальным, начинает осмысливаться и мифологически дополняться сюжетами, искажающими, а порой радикально меняющими все его содержание.

Список цитированных источников

- Бутов, Илья 2021. «Шумные духи» в представлениях жителей пограничья России и Эстонии в конце XIX первой половине XX в. In: *Живая старина*, 2: 33–36.
- Бутов, Илья & Томин, Никита 2020. Архивные свидетельства о «самовольных экзорцизмах» в Российской империи в XIX первой половине XX века. In: *Религиоведение*, 2: 62–76.

- Бутов, Илья 2021. Влияние рассказов о самопроизвольном обновлении икон на формирование и распространение нарративов о чудесах в народной традиции белорусов в XX начале XXI в. In: *Kant*, 2: 148—153.
- Бутов, Илья 2018. Материалы о распространении «святых писем» в БССР в 1930-е 1950-е гг. XX века. In: *Живая старина*, 1: 17–20.
- Бутов, Илья & Томин, Никита 2018. Обновление икон на историческом фоне. In: *Религиоведение*, 3: 20–34.
- Бутов, Илья & Гайдучик, Виктор; Алексинский, Вадим 2017. Рассказы о сверхъестественном в современных записях белорусского фольклора. In: *Живая старина*, 2: 55–57.
- Валодзіна, Таццяна 2011. Дэманічны персанаж у сістэме сацыякультурных адносін падзвінскай вёскі: Белякоўскі чорт. Іп: Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Ч. 2. Наваполацк: ПДУ, 140—145.
- Валодзіна, Таццяна 2012. Белякоўскі чорт: вузкалакальнае лепельскае вераванне ў агульнаэтнічным кантэксце. In: *Нарысы гісторыі Лепельшчыны*. Віцебск: Віцебская абласная друкарня, 27–34.
- Кербелите, Бронислава 2001. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. Санкт-Петербург: Европейский Дом.
- Кротова-Гарина, Анастасия & Русинова Ирина 2018. Функции и действия духа дома (на материале коми-пермяцких мифологических рассказов). In: *Филология в XXI веке*. 1(1): 162–171.
- Левкиевская, Елена 2000. Мифологические персонажи в славянской традиции. І. Восточнославянский домовой. Отв. ред. С. Толстая. Іп: Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. Москва: Индрик, 96–161.
- Левкиевская, Елена 2009. Полночь. In: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. IV: Π (Переправа через воду Γ (Сито), 142-145.
- МР 2021 Мифологические рассказы псковско-белорусского по-граничья: Монография. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение. Автор-составитель Г. Площук; под ред. Н. Большаковой. Псков: ЛОГОС.
- НДП 2012 Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Л. Виноградова, Е. Левкиевская

- (сост.). II. Демонологизация умерших людей. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- НДП 2016 Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Л. Виноградова, Е. Левкиевская (сост.). III. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. Москва: Издательский дом ЯСК.
- НДП 2020 *Народная демонология Полесья: публикации текстов* в записях 80–90-х годов XX века. Л. Виноградова, Е. Левкиевская (сост.). IV: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные духи. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Панченко, Александр 2012. Иван и Яков необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. Москва: Новое лит. обозрение.
- Петров, Никита 2020. Указатель мотивов к публикуемым мифологическим текстам. In: Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере, под ред. А. Мороза. Москва: Неолит, 459–528.
- ПР 1993 Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе и бане: сборник. сост., вступ. ст. и коммент. К. Шумова, Е. Преженцевой. Пермь: Янус.
- Токць, Сяргей 2007. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў. Другая палова XIX першая траціна XX ст. Мінск: Тэхналогія.
- Шеваренкова Юлия 2003. Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: филология. 1, 52–57.

References

- Butov, Il'ya 2021. «Shumnyye dukhi» v predstavleniyakh zhiteley pogranich'ya Rossii i Estonii v kontse XIX pervoy polovine XX v. [«Noisy Spirits» as Perceived by Residents of the Borderlands of Russia and Estonia at the End of the XIX the first half of the XX century]. In: *Zhivaya starina*, 2: 33–36.
- Butov, Il'ya; Tomin, Nikita 2020. Arkhivnyye svidetel'stva o «samovol'nykh ekzortsizmakh» v Rossiyskoy imperii v XIX pervoy polovine XX veka [Archival evidence of «unauthorized exorcisms» in the Russian Empire in the 19th first half of the 20th century]. In: *Religiovedeniye*, 2: 62–76.

- Butov, Il'ya 2021. Vliyaniye rasskazov o samoproizvol'nom obnovlenii ikon na formirovaniye i rasprostraneniye narrativov o chudesakh v narodnoy traditsii belorusov v XX nachale XXI v. [The influence of stories about the spontaneous renewal of icons on the formation and dissemination of narratives about miracles in the folk tradition of Belarusians in the 20th early 21st centuries], In: *Kant*, 2: 148–153.
- Butov, Il'ya 2018. Materialy o rasprostranenii «svyatykh pisem» v BSSR v 1930-ye 1950-ye gg. XX veka [Materials on the distribution of «holy letters» in the BSSR in the 1930s 1950s. XX century]. In: *Zhivaya starina*, 1: 17–20.
- Butov, Il'ya & Tomin, Nikita 2018. Obnovleniye ikon na istoricheskom fone [Renewal of icons on a historical background]. In: *Religiovedeniye*. 3: 20–34.
- Butov, Il'ya & Gayduchik, Viktor; Aleksinskiy Vadim 2017. Rasskazy o sverkh»yestestvennom v sovremennykh zapisyakh belorusskogo fol'klora [Stories about the supernatural in modern records of Belarusian folklore]. In: *Zhivaya starina*, 2: 55–57.
- Kerbelite, Bronislava 2001. Tipy narodnykh skazaniy. Strukturnosemanticheskaya klassifikatsiya litovskikh etiologicheskikh, mifologicheskikh skazaniy i predaniy [Types of folk tales. Structuralsemantic classification of Lithuanian etiological, mythological storys and legends], Sankt-Peterburg: Evropeiskii Dom.
- Krotova-Garina, Anastasiya & Rusinova Irina 2018. Funktsii i deystviya dukha doma (na materiale komi-permyatskikh mifologicheskikh rasskazov) [Functions and actions of the spirit of the house (based on the Komi-Permyak mythological stories)], In: *Filologiya v XXI veke*, 1 (1): 162–171.
- Levkiyevskaya, Yelena 2000. Mifologicheskiye personazhi v slavyanskoy traditsii. I. Vostochnoslavyanskiy domovoy [Mythological characters in the Slavic tradition. I. East Slavic domovoy]. In: Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya. Moskva: Indrik, 96–161.
- Levkiyevskaya, Yelena 2009. Polnoch' [Midnight]. In: *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar*'. Vol. 4: P (Pereprava cherez vodu S (Sito), 142–145.
- MR 2021 Mifologicheskiye rasskazy pskovsko-belorusskogo pogranich'ya: monografiya [Mythological stories of the Pskov-Belarusian borderland: Monograph], Part 1: Teksty. Kommentarii. Issledovaniya. Audioprilozheniye. Author-compiler G. Ploshchuk; N. Bol'shakova (ed.). Pskov: LOGOS.

- NDP 2012 Narodnaya demonologiya Poles'ya: publikatsii tekstov v zapisyakh 80–90-kh godov XX veka [Folk demonology of Polessya: publication of texts in records of the 80–90s of the XX century], L. Vinogradova, E. Levkiyevskaya (comps.). Vol. 2: Demonologizatsiya umershikh lyudey. Moskva: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi.
- NDP 2016 Narodnaya demonologiya Poles'ya: publikatsii tekstov v zapisyakh 80–90-kh godov XX veka [Folk demonology of Polissya: publication of texts in records of the 80–90s of the XX century], L. Vinogradova, E. Levkiyevskaya (comp.). Vol. 3: Mifologizatsiya prirodnykh yavleniy i chelovecheskikh sostoyaniy. Moskva: Izdatel'skiy dom YASK.
- NDP 2020 Narodnaya demonologiya Poles'ya: publikatsii tekstov v zapisyakh 80–90-kh godov XX veka [Folk demonology of Poles'ya: publication of texts in records of the 80–90s of the XX century], L. Vinogradova, E. Levkiyevskaya (compil.). Vol. 4: Dukhi domashnego i prirodnogo prostranstva. Nelokalizovannyye dukhi. Moskva.
- Panchenko, Aleksandr 2012. *Ivan i Yakov neobychnyye svyatyye iz bolotistoy mestnosti: «Krest'yanskaya agiologiya» i religioznyye praktiki v Rossii Novogo vremeni* [Ivan and Yakov Unusual Marshland Saints: «Peasant Hagiology» and Religious Practices in Modern Russia]. Moskva: Novoye lit. obozreniye.
- Petrov, Nikita 2020. Ukazateľ motivov k publikuyemym mifologicheskim tekstam [Index of motives for published mythological texts]. In: A. Moroz (ed.). Znatki, veduny i chernoknizhniki: koldovstvo i bytovaya magiya na Russkom Severe. Moskva: Neolit, 459–528.
- PR 1993 = K. Shumov, E. Prezhentseva. *Pravdivyye rasskazy o poltergeyste i prochey nezhiti na ovine, v izbe i bane: sbornik* [True stories about the poltergeist and other undead in the barn, in the hut and the bath: collection]. Perm': Yanus.
- Shevarenkova Yuliya 2003. Legendy-bylichki kak zhanrovaya raznovidnost' fol'klornoy legendy [Legends-bylichka as a genre variety of folklore legend]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo.* Seriya: filologiya, 1: 52–57.
- Tokts', Syargey 2007. *Belaruskaya voska ŭ epokhu z'menaŭ. Drugaya palova XIX pershaya tratsína XX st.* [Belarusian village in the era of changes. The second half of the XIX the first third of the XX century]. Minsk: Tekhnalogíya.
- Valodzína, Tatstsyana 2011. Demaníchny persanazh u sísteme satsyyakul'turnykh adnosín padzvínskay voskí: Belyakoŭskí chort [A demonic character in the system of socio-cultural relations of

the village of Podvina region: Belyakov's demon], In: Belaruskaye Padzvínne: vopyt, metodyka í vyníkí palyavykh í mízhdystsyplínarnykh dasledavannyaŭ. Part 2. Navapolatsk: PDU, 140–145.

Valodzína, Tatstsyana 2012. Belyakoŭskí chort: vuzkalakal'naye lepel'skaye veravanne ŭ agul'naetníchnym kantekstse [Belyakov's chort: a narrowly localized Lepel belief in a general ethnic context]. In: Narysy gístoryí Lepel'shchyny. Vitsebsk: Vitsebskaya ablasnaya drukarnya, 27–34.

Summary

"Revolution in the house": a little-known case of a "noisy spirit" on the Verbniki farm of the Minsk district in the 1930s

Ilya Butov

Keywords: folklore about the supernatural, noisy spirit, poltergeist, malevolent influence, folk demonology

The article presents the information about the supernatural phenomenon on the Verbniki farm in the Minsk district of the Minsk region, the details of which the author collected during 2017–2022. A possible dating of the event is given, its main characters are shown together with the peculiarities of the course and getting rid of the attacks of a demonological character who has a pronounced poltergeist function. The sociocultural background of the late 1930s, which could lead to an increase in religious and mystical sentiments in the society, is taken into account. It is shown that now the stories that are discussed in the article are beginning to be strongly mythologized even in the settlements that are located next to the scene of the incident, but only by the younger generation. It is demonstrated that the periphery of the ethno-cultural phenomenon arises already in the villages that are located next to Verbniki, making it difficult to study the central core of the plot and further determine the degree of its transformation.